

Алексей Ростовцев

УШЕЛ В СТОРОНУ МОРЕЯ

Алексей Ростовцев

Ушел в сторону моря

«Индивидуальный Предприниматель
Ларин Владимир Евгеньевич»

Ростовцев А. А.

Ушел в сторону моря / А. А. Ростовцев — «Индивидуальный
Предприниматель Ларин Владимир Евгеньевич»,

Алексей Александрович Ростовцев – полковник в отставке, прослуживший в советской разведке четверть века, из них шестнадцать лет – за рубежом; писатель, автор многих книг и публикаций, член Союза писателей России. В ночь с 31 августа на 1 сентября 1983 года гибель южно-корейского «Боинга» над Японским морем поставила мир на грань катастрофы. Все западные газеты кричали о варварстве русских, сбивших мирный самолёт. «Много лет французский специалист по авиакатастрофам Мишель Брюн вёл самостоятельное расследование обстоятельств происшедшего. Выводы оказались сенсационными. Эти выводы, а также аргументации Брюна я положил в основу своей повести». Алексей Ростовцев

© Ростовцев А. А.
© Индивидуальный Предприниматель
Ларин Владимир Евгеньевич

Алексей Александрович Ростовцев

Ушел в сторону моря

От автора

Много лет французский специалист по авиакатастрофам Мишель Брюн вёл самостоятельное расследование обстоятельств гибели южно-корейского «Боинга» над Японским морем в ночь с 31 августа на 1 сентября 1983 года. Выводы Брюна оказались сенсационными. Эти выводы, а также аргументации Брюна я положил в основу своей повести.

Голодный медведь-шатун брел сквозь ноябрьский лес, то и дело проваливаясь в глубокий снег, едва схваченный первыми морозцами. Летом он не сумел нагулять жира в разоренной человеком тайге и потому не залег, как обычно, в берлогу, а продолжал без видимой цели болтаться по холодеющим чащобам, теряя силы и впадая в предсмертную тоску. За медведем шли волки. Они были не серые, а черные с белыми манишками. Волки ждали, когда медведь окончательно ослабеет, чтобы всей стаей разом сомкнуться над ним. Самый наглый из хищников уже попробовал вцепиться в загривок шатуна. И тогда медведь, страшно взревев, с натугой оторвал от себя волка и шмякнул его об острый березовый пенёк. У зверя сломался хребет и отнялись задние лапы. Лежа на боку он жадно лизал снег и скулил, словно щенок, которого выбросили из теплой конуры на холод. Скулил тихо, жалобно. Медведь сел и огляделся. Волки тоже сели, окружив его полукольцом. Дело шло к развязке.

Вот этот момент и запечатлел на своей картине арбатский художник Иван Худобин. Холст вставил в скромную раму, а к раме прикрепил скромную табличку с надписью: «Россия, год 1992». Картину Худобин подарил закадычному другу Женьке Климовичу, и она заняла почетное место в однокомнатном Женькином логове на Ходынке.

Климович, владевший пунктом обмена валюты на все том же Арбате, мог бы позволить себе и многокомнатные хоромы. Но таковые ему, холостяку, пока не требовались.

Квартира Климовича имела вид почти убогий. Старенькая тахта, стол, две табуретки, шифоньер с зеркалом, пара полок с книгами, боксерская груша, подвешенная к потолку, да гантели в углу – вот и весь интерьер гостиной. На стенах, помимо упомянутой картины, не было ничего, кроме красочного изображения пассажирского «Боинга-747» и небольшого фото японской девочки, приклеенных к обоям скотчем. Со шкафа хищно смотрел перехватчик СУ-15 очень хорошая поделка, любовно выполненная руками хозяина квартиры.

На кухне Климовича имелся холодильник «Бирюса», подвесной шкафчик и необходимый минимум посуды. К этим вещам он привык, когда жил среди них в коммунальной пещере на Шаболовке, он не мыслил себя без этих вещей и потому взял их с собой в новую эпоху.

Ни в каком родстве с миллионером Корейко, даже в самом отдаленном, Климович не состоял и заработанные баксы не складывал ни в чулок, ни в банку из-под немецкого какао «Тропенгольд». Скромность в быту была тем единственным, в чем заключалось сходство их натур.

Климовичу самому было противно вспоминать, каким образом он разбогател, но когда это случилось, он поначалу растерялся, потом лихорадочно принялся вкладывать деньги в недвижимость: купил бывшую конспиративную квартиру КГБ внутри Садового кольца и сдал ее в наем валютным путанам, приобрел за бесценок поросший богатырским бурьяном клочок земли за Волгой, крошечное автопредприятие по ремонту автопокрышек в Подольске и запущенную дачу в Салтыковке. Поиграл с акциями и с девочками, попил, поел вдоволь разной вкусноты и затосковал. Тут брат Михаил, уловив нюхом его упаднический душевный настрой, дал совет – вложить оставшуюся наличность в солидное дело. Вскоре на самом бойком месте Москвы возник популярный во всех кругах обменник, к услугам которого охотно прибегали

как элегантные иностранцы из дальнего зарубежья, так и хамоватые, страдающие избыточным весом отечественные нувориши. Частенько сюда заходили актеры расположенного поблизости знаменитого театра – все эти ленины, жуковы, дзержинские, секретари райкомов, председатели колхозов, герои-подпольщики, стахановцы-метростроевцы, комсомольцы-добровольцы, ставшие в одночасье услугой очей и ушей буржуазной элиты. Они охотно давали Климовичу автографы и, тщательно пересчитывая ассигнации, занудно ныли про то, как страдали от тоталитарного режима, постоянно вынуждавшего их наступать на горло собственной песне и топтаться по собственному таланту с кукишем в кармане. Климовичу было наплевать на всю эту склизкую творческую шелупонь со старыми испитыми лицами. Он делал деньги и деньги немалые. После расчета с сотрудниками и встреч с налоговой инспекцией, забиравшей десятую часть доходов, и рэкетирами, забиравшими четвертую часть, оставалось чистыми долларов семьсот-восемьсот. Это в среднем за рабочий день. Доллары вертелись в банках, обрастая сумасшедшими процентами. Климович делал вид, что ему хорошо и весело. Брат Михаил, его компаньон и заместитель, радовался, глядя на любимца семьи Женьку.

Кроме Михаила у Климовича работали еще двое служащих: кассирша Верка, смазливая сексапильная девица, которую пришлось пару раз как следует вздуть для того, чтобы валюта перестала прилипать к ее тонким красиво наманикюрным пальчикам, и охранник из хохлов, названный в честь Бандеры Степаном.

Верка считалась девушкой Климовича, но ее хватало на всех, и это вполне устраивало коллектив процветающего предприятия. Иногда Климович впадал в короткую непонятную хандру, выгонял Верку из своей квартиры и звал в гости друга Ивана Худобина, с которым напивался до озверения. В такие дни Верка уходила к Михаилу или к Степану. Климовичу она как-то сказала, что вообще не может спать без мужика. Если ее уложить в постель одну, то она к полуночи полезет на стену, а на рассвете ее заберут в психушку. Климович на это ответил, что любит Верку такой, какая она есть.

Охранник Степан также был личностью, не лишенной самобытности. В родной Галитчине он порешил старика-коммуняка, который почти полвека тому назад застрелил Степанова деда – видного оуновца. О своей акции возмездия хохол рассказывал многократно с превеликим наслаждением. Степана Климович потихоньку ненавидел, хотя сам был душегубом мирового масштаба, о чем речь пойдет ниже.

Михаила в семье Климовичей считали самым неспособным. В открытую его не называли дураком только из родственных соображений. Однако в скоротечно меняющейся ситуации, когда тысячи блестящих интеллектуалов позорно растерялись, подняли панический визг и впали в нищету, Михаил сразу нашел свою нишу и стал бурно процветать, чем вызвал уважение к себе даже у баловня судьбы, красавчика и остроумца Женьки.

Свой небольшой дружный коллектив Климович про себя называл зверинцем и старался проводить как можно больше времени вне его. Единственным человеком, общаясь с которым Климович отдыхал душой, был бездомный художник Худобин, высокий костлявый мужчина неопределенных лет с абсолютно лысым черепом, кудлатой пегой бородой и хриплым прокурренным басом. Его Климович поселил на дачу в Салтыковке. Одному ему открыл свой великий грех, черным камнем давившим на совесть. Выслушав Женькину исповедь, верующий Иван ужаснулся и дал совет обратиться к Господу с покаянием.

– К Богу?! – рвануло Женьку. – К Богу?! Да ежели бы он существовал, разве позволил бы весь этот кошмар?

Иван обнял Женьку и, тяжело вздохнув, как пацана погладил его по голове.

Худобин привадила Климовича к рыбалке. Червей добывают в куче перегноя на даче. Черви – жирные, бело-розовые, чрезвычайно активные. Иван прозвал их новыми русскими. Мотыля берут тут же, у проржавевшего двухсотлитрового чана с дождевой водой. Ездят поездом до старинного городка Буя, основанного еще матерью Грозного Еленой Глинской у слия-

ния рек Костромы и Вексы. Кострому уже успел притравить буйский химзаводишко, а Векса пока остается чистой, светлой, рыбной. Вокруг Буя шумят сусанинские леса. Время тут как бы слегка притормозило неумолимый свой бег. Все три памятника Ленину в городе целы и невредимы, ни одна улица не поменяла названия, в местном музее по-прежнему выставлены напоказ кулацкий обреза и кожанка первого начальника ЧК, а некоторые водители городских автобусов возят у ветрового стекла почетный вымпел ударника коммунистического труда.

У Женьки с Иваном есть любимая полянка в сухом бору на берегу Вексы. Здесь они удят рыбу, разводят аккуратные костерчики, варят ушицу, чаевничают, а когда опускается на землю ночь, ведут долгие душевные разговоры, перед тем как заснуть. Говорит, правда, больше Иван. У него за плечами как ни как Ленинградский университет да пять лет Дубравлага за вольнодумство. Куда до него Женьке с его взлетно-посадочной эрудицией!

– Всего на Руси было четыре великие смуты, – хрипло гудит Иван, пугая ночных птиц. – Первая началась со смертью Бориса Годунова и закончилась пленением засевших в Кремле поляков ополченцами Минина и Пожарского. Продолжалась сия смута семь лет. Вторая – это Хованщина и правление царевны Софьи. Продолжалась семь лет и закончилась воцарением Великого Петра. Третья началась Февральской революцией, а закончилась вместе с гражданской войной и образованием Советского Союза. Продолжалась шесть лет. Четвертая, нынешняя, началась летом восемьдесят девятого года в ту минуту, когда Сахаров пошел к трибуне Всесоюзного съезда.

– Значит, – сообщает Женька, – конец ей в девяносто пятом – девяносто шестом.

– Верно, – соглашается Иван. – Все смуты имели общие моменты. Первый – наличие двух Лжедмитриев, двух ставленников иностранных спецслужб, которые влезали в душу народа, беспардонно используя наглую ложь, демагогию и неосуществимые посулы.

– Кого же ты считаешь Лжедмитриями третьей смуты?

– Эсеров Керенского и Савинкова. Первый дуростью своей угробил Февральскую революцию, второй чуть не угробил Октябрьскую. Ведь это эсеры организовали мятеж чехословацкого корпуса, восстания в Москве, Ярославле, Рыбинске, Кронштадте, на Тамбовщине. Они начали гражданскую войну. Кстати, гражданская война и иностранная интервенция, также обязательные признаки великих российских смут. Это второй их общий момент. Третий вытекает из второго: полное разорение и развал державы.

– Во! Интервенции нам как раз и не хватает, – ворчит Женька. – Хорошо, если она останется только долларовой.

Сон у Ивана короткий, чуткий. Ни свет ни заря вместе с окружающей фауной он продирает глаза и будит Женьку. Наспех перекусив, они забрасывают удочки. Насаживая червя на пронзительно острый крючок. Женька всегда ощущает легкую резь в собственных внутренностях. Ну да, думает он, я ведь тоже новый русский.

Иван долго молчать не может и вскоре начинает распугивать рыбу.

– Если бы ты только знал, Евгений, – басит он, – сколько на святой Руси разной мути, грязи и погани! И вся эта погонь происходит от потери связи со своим классом. Крестьянин, бросивший землю, рабочий, оставивший свое ремесло, интеллигент, отложивший в сторону книгу, – все это есть деклассированный элемент, злейший враг общества. Элемент этот крайне неоднороден. Делится он, как и все живое, на умных, посредственных и глупых. Умные возглавляют воровские кланы, глупые становятся алкоголиками и бомжами, посредственные прут в политику. Вся наша беда в том, что нами на протяжении долгих лет правил посредственный деклассированный элемент. Чаще всего это были оторвавшиеся от своих классов крестьяне и рабочие: Хрущев, Брежнев, Горбачев и другие. Сегодня во власть полезли еще и деклассированные мэнээсы. Скажи, Евгений, ты мог бы представить себе академика Лихачева, несущегося впереди пьяной толпы, которая бьет витрины и крушит памятники?

– Только после пятого стакана, – смеется Климович.

– Вот! А Станкевич бежал и крушил. Это и есть деклассированный интеллигент – особь наиболее опасная, ибо лишена она здравого смысла, присущего крестьянину и рабочему... У них, чтоб стать политиком, кончают Кембридж, Оксфорд, Гейдельберг, Сорбонну. У нас политика – удел проходимцев.

– В таком духе наш Иван может рассуждать часами, начисто позабыв о первоначальной цели своего появления в данной точке земной поверхности.

День 31 августа 1993 года начался для Климовича неудачно. Под окном его офиса Иван Худобин поскандалил с известным телерепортером. Если ты, кричал Худобин, не выговариваешь звука «р», произносишь «прэсса» вместо «пресса» и не умеешь склонять имен числительных, то обратись к логопеду и найми себе учителя русского языка. Поможет это, оставайся на месте, а не поможет, катись в свою Шепетовку, и там ты будешь первым парнем на местном телевидении. Репортер обозвал Ивана фашистом. Тогда Худобин взял его за грудки и приземлил на кучу картонок из-под бананов. Дрыгая ногами среди пустых ящиков, телевизионщик кричал что-то насчет Бабьего Яра, Освенцима и Треблинки.

– Чтоб твою дочку изнасиловали в лифте! Чтоб твой сын стал педерастом! – взвизгнул он, как бы резюмируя все, произнесенное ранее, после чего спокойно выбрался на мостовую.

Сбежалась милиция. Ивана потащили в каталажку. Климовичу пришлось заплатить пострадавшему 300 долларов за моральный ущерб и 100 – за физический, да еще каждому менту отстегнуть по 50 баксов. Сгорела почти вся дневная выручка. Климович обложил друга матюком и позвал его вечером на ужин. Впрочем, Худобин пришел бы сегодня и без приглашения. Сегодня был их день, – день поминовения загубленных Женькой невинных душ. Они его отмечали вместе уже лет пять.

Климович приехал домой в половине седьмого, несколько раньше обычного, загнал не очень новый бежевый «Жигуль» шестой модели в гараж-ракушку, установленный рядом с домом, и начал собирать на стол, что бог послал. Стол получился отнюдь не бедный. Вокруг двух бутылок «Распутина» расположилась снедь дорогая, изысканная. Соленых огурцов, капусты и грибочков обещал притащить Иван.

В семь часов у двери позвонили. Климович схватил Веркины колготки, бесстыдно раскинувшиеся на тахте, сжал их в комочек, сунул в шкаф и пошел открывать, но на всякий случай заглянул в глазок бронированной двери. Снаружи никого не было.

– Иван! – позвал Климович.

Ответа не последовало. Положение резко осложнилось. Климович мог и не открывать дверь, но с минуты на минуту должен был появиться Худобин, и не исключено, что стоявший где-то на лестничной площадке незнакомец подкарауливал именно его. О предстоящем визите Ивана знала только Верка, которая за флакон парижской туалетной воды могла продать мать родную, Христа и всех святых вместе с ним. Прозвенел еще один звонок. Климович достал из ящика стола пистолет, валявшийся среди ложек и вилок, передернул затвор и стал один за другим отпирать замки и засовы. Медленно открывая дверь и держа оружие у бедра, осторожно выглянул наружу. Все дальнейшее произошло в считанные секунды. Пистолет полетел на лестницу, а сам он ощутил себя лежащим на полу мордой вниз с завернутой за спину правой рукой.

Однако незнакомец, светловолосый крепыш с голубыми глазами, так легко одолевший дюжего жилистого Климовича, казалось, не хотел причинить ему ни физического, ни морального ущерба. Он подобрал валявшееся на лестнице оружие, предложил Климовичу войти в квартиру и последовал за ним, прикрыв дверь и защелкнув один из замков. Очутившись в гостиной, он подошел к открытому окну и произвел из пистолета Климовича выстрел в небо, после чего вернул оружие хозяину, само собой, без обоймы с патронами.

– Какой великолепный стол! – весело произнес незнакомец и бесцеремонно уселся на одну из табуреток.

– Кто вы? – спросил Климович и тоже сел.

Ему протянули удостоверение в развернутом виде. Климович взял красную книжечку и прочел: «Служба внешней разведки Российской Федерации. Майор Тучков Сергей Николаевич». Уже неплохо, подумал Климович, возвращая документ владельцу, значит, не будут истязать и вымогать баксы. Он обрел прежнюю уверенность и почти строго спросил:

– Куда вы девали Худобина?

– Задержан милицией за торговлю произведениями искусства без лицензии, – ответил Тучков. – Через пару часов он будет здесь. Ничего плохого с ним не случится.

– Ваша работа?

– Да. Мне надо поговорить с вами с глазу на глаз.

Климович налил две рюмки.

– За знакомство!

– За знакомство!

– О чем будем говорить? – спросил Климович.

– Об этом, – сказал Тучков, указывая на цветную картинку с «Боингом». – И еще кое о чем.

Климович криво усмехнулся.

– Об этом уже все сказано десять лет назад.

– Истина неисчерпаема, коллега. Вам никогда не приходила в голову мысль, что «Джамбо» завалили не вы, а кто-то другой?

– Когда я дважды нажимал на «пуск» после того, как получил команду уничтожить цель, я видел перед собой самолет, своими очертаниями похожий на длинный карандаш. Примерно те же контуры имеют американские разведчики RS-135 и SR-71. Первая ракета попала ему в хвост. Вспыхнуло желтое пламя. Вторая снесла половину левого крыла. Тут же погасли огни и мигалки.

– Наши военные тогда утверждали, что самолет летел без зажженных огней.

– Это ложь. Все огни были включены.

– Предупредительный огонь открывали?

– Конечно.

– Трассирующими?

– Да не было у меня трассирующих! Тут наши снова наврали. Бронебойными. 243 снаряда высадил в белый свет как в копеечку.

– Бронебойных он мог и не увидеть?

– Мог и не увидеть.

– Вы пытались говорить с ним?

– Кто-то из наших пытался. Но если это был пассажир, то он не услышал нас. У него совсем другие частоты.

– Когда вы нажимали на «пуск», у вас была полная уверенность в том, что вы сбиваете разведчика, а не пассажира?

– Стопроцентная. Правду я узнал только на земле.

– Но ведь «Джамбо» похож не на карандаш, а на толстый банан.

– Я, скорее всего, ошибся. Расстояние было немалое... И потом, не мог же весь мир впасть в заблуждение? Работали комиссии. Нашли черный ящик, куски обшивки, вещи пассажиров. Правда, ящик почему-то оказался пустым, да и трупов не обнаружили. Кто-то решил, что трупы сожрали рачки и рыбы.

– Да-а-а... Евгений Петрович, возникла необходимость вернуться к этой истории.

– Мне нечего добавить к моим старым показаниям. Все они, очевидно, хранятся в каком-то деле. Вы их легко найдете.

– Речь идет не о даче новых показаний, а о вашем личном участии в новом расследовании.

- Кому это понадобилось?
- России.
- Какой России? Той России, которой я присягал на верность и служил, как умел, больше нет. А нынешней власти я служить не желаю.
- Странно. Вы ведь новый русский, а стало быть, новая власть – ваша власть.
- Сергей Николаевич, разрешите мне ничем не мотивировать мой отказ. А, впрочем... Тут Климович поднялся и подошел к окну.
- Вы видите этот лес? Двадцать шесть гектаров отличного леса, огороженного железным забором?
- Конечно вижу.
- И полосатую антенну тоже?
- И антенну тоже.
- А что это за антенна, знаете?
- Насколько мне известно, здесь, на Ходынке, в начале первой мировой войны была построена для связи с союзниками мощная военная радиостанция. Впоследствии она использовалась Красной Армией. Что было дальше, не знаю.
- А теперь тут так называемое хозяйство Ливитина. Редакции у них в центре города. Там работают сотни, а может быть, тысячи служащих. Кто им платит, черт знает. В этом лесу их передатчики. Они вещают круглые сутки. Каждая станция имеет в своем названии слова «Россия» или «Москва». Это единственное, что в них есть от России и Москвы. Они выплескивают в мир немного рекламы. Все остальное – чужая музыка, от которой либо сексуальные, либо рвотные позывы, и зловонная, гнусная, гаденькая антирусская ложь. Цель этих станций – растлить душу России. А теперь скажите, какое подлинно национальное патриотическое правительство позволило бы у себя дома что-либо подобное? Вам нечего возразить, Сергей Николаевич!
- Тучков усмехнулся.
- Вы говорите языком Худобина.
- Мы с Иваном мыслим одинаково. А потому давайте выпьем за упокой душ невинно убиенных и поставим на этом деле точку.
- Климович снова наполнил рюмки.
- Сегодня ровно десять лет, как это случилось.
- Они выпили не чокаясь. Тучков встал и протянул Климовичу обойму, вынутую из его пистолета.
- Ну что ж, Евгений Петрович, очень жаль, что вы отказываетесь помочь нам. Мы отводили вам ключевую роль в нашей операции.
- Операции? А какой навар, если не секрет, получила бы Россия в случае успеха вашего предприятия?
- Деньги. Огромные деньги!
- Климович расхохотался.
- Деньги?! Да их разворуют, прежде чем Россия узнает, что стала богатой!
- Это долговременная акция. Когда она завершится, придет конец смутному времени.
- Знаете что, – сказал Климович, – только при одном условии я согласился бы помочь вам: если бы вы дали мне шанс доказать, что не я сбил этот проклятый летучий гроб.
- Но именно о таком шансе и идет речь!
- Вот как! Давайте сядем! И, вообще, нам надо бы перейти на ты. Мы ведь почти одноклассники. Сколько тебе?
- Тридцать два.
- А мне тридцать четыре. Давай, Сергей, открывай свои карты!
- Пока открою только одну.

Тучков достал из внутреннего кармана пиджака фотографию и положил ее перед Климовичем. Тот взял фото, взглянул на него и присвистнул.

– Тончайший фарфор ручной работы! Кто это?

– Дочь одного из членов экипажа сбитого тобой лайнера. Журналистка. Окончила университет в Токио. Владеет английским и японским языками. Был у нее брат, офицер южнокорейской полиции. Так этот парень еще восемь лет назад самостоятельно занялся исследованием той катастрофы. Кое-что ему удалось раскопать. Недавно он погиб при загадочных обстоятельствах. Теперь его дело продолжает сестра. Ее зовут Хван Джин И.

– Хван Джин И, – повторил Климович, – Хван Джин И.

– Тебе придется познакомиться с ней.

– Но ведь я убийца ее отца!

– Это будет тяжелый разговор. Но ты для нее бесценная находка. Думаю, она преодолеет ненависть и отвращение к тебе ради получения интересующей ее информации. А твоя задача узнать то, что знает она.

– Значит, я для нее вроде червяка на крючке, который она должна проглотить?

– Что-то вроде этого. Разведка – работа тонкая и вместе с тем чрезвычайно грубая. Она подобна прекрасной фреске, написанной на невзрачной мокрой штукатурке.

– Мы не причиним зла этой девушке?

– Нет. Скорее всего, нам придется спасать и защищать ее. Боюсь, что ею уже заинтересовались наши коллеги из Си-Ай-Эй.

– Что такое Си-Ай-Эй?

– Это ЦРУ. Как у тебя с английским языком?

– Могу изъясняться. В школе учил, в летном учил, на Дальнем Востоке каждый день перебивался с американцами в эфире, когда они лезли в наше воздушное пространство, нынче общаюсь с клиентами из-за рубежа.

– Это, Женечка, не тот язык, на котором говорят с красивыми женщинами. Шекспир устарел. Прочитай хотя бы одну из пьес Сомерсета Моэма. Кстати, он был агентом британской разведки. Работал против России. Посещал нашу страну. Я дам тебе несколько книг, которые надо проштудировать во что бы то ни стало. А времени у нас в обрез.

– Куда мы спешим?

– Мы торопимся на дизель-электроход «Альбатрос», который 15 сентября отправляется из Владивостока в круиз вокруг Японии с заходом в Ниигату и в корейский порт Пусан.

– В Ниигату для чего?

– Взять партию коммерческого груза и группу японских туристов. Хван Джин И купила билет на этот рейс. Так... Мне пора уходить. Скоро здесь появится Худобин. Давай приведем в порядок стол. Твой друг ничего не должен знать ни о моем визите, ни о содержании нашей беседы. На днях я позвоню тебе.

Уходя, Тучков поинтересовался портретом японской девочки, висевшим на одной из стен гостиной.

– Она летела в том «Боинге», – был ответ.

Российский разведывательный комплекс за кольцевой дорогой вблизи Ясенево после распада советской империи внешне не претерпел никаких-либо изменений. Другой только стала надпись на памятной стеле. Прежде эта надпись читалась так: «Чекистам-разведчикам, отдавшим жизнь за дело коммунизма». Теперь «дело коммунизма» заменили словом «Отечество». Число сотрудников в городке СВР, естественно, поубавилось, но оставшиеся продолжали заниматься тем, чем им и было положено заниматься – разведкой. Слегка сместились направления главных целей. Что из того? Методы остались прежними.

Утром 1 сентября Тучков по прибытию на службу сразу же попросил аудиенции у начальника отдела. Запланированная разведкой операция с участием Климовича была архиважной, а потому Тучкова приняли немедленно.

Начальник Сергея был многоопытным и неторопливым. Последнее качество у государственных служащих по мере приближения к пенсии, как правило, превалирует среди прочих достоинств. Генерал Щеглов пережил многих руководителей страны и разведки. Первые в большинстве своем были плохо образованы и без царя в голове, вторые – мудры и начитаны, однако, из этого симбиоза ничего путного не выходило. Дуракам-вождям не нужны были умные руководители секретных служб. Политбюро называли братской могилой шифровок и аналитических записок разведки. В этих документах разведка добросовестно и своевременно предупреждала о кознях недругов и о грядущих катастрофах, она просила, умоляла, закликала верховных правителей спасти державу, сползающую к пропасти, она осмеливалась предлагать пути спасения. Все тщетно! Сановные старцы лишь загадочно улыбались, погруженные в глубокие раздумья о своих атеросклерозах, остеохондрозах, запорах, камнях в печенках и почках да о повышенном содержании сахара и холестерина в крови. Своевременно докладывался политическому руководству страны и документ, известный как «Завещание Даллеса», хотя покойный директор ЦРУ сочинил его лет за двадцать пять до смерти. Каждая строка «Завещания» дымила ненавистью к России: «Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своим масштабам трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания...». От «Завещания» на Старой площади тоже отмахнулись. Если у разведки что и выгорало, то это лишь по недосмотру правительства. Когда держава таки развалилась, и сменился режим, Щеглов сгоряча написал рапорт об отставке. То же самое сделал и начальник разведки. Просьбу последнего удовлетворили, а Щеглова попросили подумать. Он подумал и остался. Решил, что резких движений больше себе никогда не позволит. Вспомнил руководителя царской военной контрразведки генерала Бонч-Бруевича, который перешел на сторону большевиков сразу после Октябрьского переворота, и тем успокоил замутившуюся было совесть. Все полетело в тартарары, но Россия еще живет и дышит, думал он, а до тех пор, пока в России теплится жизнь, я обязан служить ей. Впрочем, примерно так рассуждали про себя почти все обитатели городка СВР.

В ожидании Тучкова Щеглов перетасовывал в памяти события десятилетней давности. Об американской затее с корейским «Боингом» он через свое руководство с недельным упреждением проинформировал Политбюро, а значит, и министра обороны Устинова, который входил тогда в состав высшего органа всемогущей КПСС. Смертельно больного Андропова не стали беспокоить по пустякам, а что решило Политбюро, никто не узнает никогда. До конкретных исполнителей приказ дошел в таком виде: «Действовать согласно инструкции». На практике это означало, что самолет-нарушитель следовало принудить к посадке на советской территории, а не захочет сесть – уничтожить. В данном случае нарушитель садиться на один из сахалинских аэродромов отказался, после чего лихой ас советских ВВС Евгений Климович двумя ракетами развеял его над океаном вместе с 269 пассажирами и членами экипажа.

С каким торжеством демонстрировала тогда Джин Киркпатрик, посол Соединенных Штатов при ООН, запись переговоров советского летчика со своей базой! На весь мир прозвучал многократно усиленный техникой голос Климовича: «Цель уничтожена!» Как назло это была единственная фраза, записанная достаточно четко. Члены нашей делегации сидели, опустив глаза от стыда. Им было нечего сказать. А Ричард Берг, помощник государственного секретаря, курировавший в госдепе отношения с Москвой, взвизгнул в порыве ликования: «Мы достали их! Достали сволочей!» Они нас действительно достали. Старушка Европа после тра-

гедии над Японским морем окончательно поверила в то, что Россия – империя зла, населенная варварами, и позволила американцам разместить их «першинги» на своей территории, Конгресс одобрил программу «звездных войн», по тропам Гиндукуша поползли новые караваны с оружием для моджахедов, и афганская война вспыхнула с новой силой. Выходит, выиграли однозначно Штаты? И тут Щеглов вспомнил неприятно поразивший его факт: на одном из праздничных приемов наш высокопоставленный военный, находясь в состоянии сильного подпития, обронил резанувшую слух фразу: «Гибель этого самолета была выгодна всем». Только спустя годы дошел до Щеглова зловещий смысл этих слов. Однако, к тому времени российская разведка получила новые данные, позволявшие увидеть историю с южнокорейским «Боингом» в совершенно новом свете и извлечь из нее немалую выгоду для России...

Войдя в кабинет Щеглова, Тучков заметил, что генерал рад ему и ждет от него добрых вестей. Но торопиться не стал. Пусть начальство задает вопросы, он будет отвечать. И Щеглов, указав ему рукой на стул, спросил:

– Ну как, согласился?

– Не сразу, но согласился. Мы ведь рассчитывали на то, что основа привлечения его к сотрудничеству будет патриотической.

– И что ж, он не любит Россию?

– Ему не нравится режим.

– Ишь ты, оппозиционер в долларовой упаковке! На чем же ты его взял?

– На комплексе вины перед погибшими. Он очень совестлив, этот новый русский, и его манит возможность доказать, что убийца кто-то другой.

– В каком объеме ты поделился с ним новой информацией о «Боинге»?

– Только подвел его к той мысли, что это дело требует дополнительного расследования.

– Правильно. Пускай доходит до всего сам. Тем естественнее будет его поведение. Где сядешь на «Альбатроса»?

– Там же, где и он: во Владивостоке.

– Зря. Сделай это в Пусане. Оставим его на первом отрезке пути одного. Мужик он тертый, не пропадет. А почему Хван Джин И плывет не от Пусана, а от Владивостока?

– Пока не ясно. Такое ее поведение кажется мне странным.

– И мне. Ну что ж, оставь все мелочи и занимайся только операцией «Ястреб». Подготовь шифровки нашим резидентам в Сеуле и Токио с просьбой оказать всемерное содействие. О ходе разработки будешь докладывать мне ежедневно. Не забудь наладить контакты с нашими контрразведывательными службами: пусть посматривают за ребятами из Си-Ай-Эй, они могут доставить нам много хлопот.

– Это уже сделано.

– Ну и ладненько.

Потом они пили чай, приготовленный секретаршей, а Щеглов рассказывал Тучкову о бондаре Аллане Пинкертоне, который однажды обнаружил на одном из пустынных островков озера Мичиган остатки погасшего костра, о чем немедленно сообщил шерифу, приврав, что видел на островке подозрительных людей. Информация Пинкертона помогла шерифу задержать шайку жуликов. Бондарь был обласкал властями и при их содействии открыл небольшое сыскное бюро. Было это в 1851 году. Агентство Пинкертона считается родоначальником всех секретных служб США, которые ныне по числу сотрудников, количеству расходуемых средств и размаху операций не имеют равных в мире.

Билл Редфилд слыл в кругу воротил оружейного бизнеса большим оригиналом. Перед Рождеством он собирал под расфуфыренной елкой молодых сотрудников своей фирмы, нанятых в истекающем году, и читал им отрывки из речи Ленина на III съезде комсомола, заменяя слова «коммунизм» и «коммунист» словами «бизнес» и «бизнесмен». Получалось примерно

следующее: «Истинным бизнесменом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. Нам не нужно зубрежки, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого знанием основных фактов, ибо бизнес превратится в пустоту, если в сознании бизнесмена не будут переработаны все имеющиеся знания. Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием тех фактов, без которых не может быть современного образованного человека. Если бизнесмен вздумал бы рассуждать о своем бизнесе на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей, большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, такой бизнесмен был бы очень печален. И такое верхоглядство было бы решительным образом губительно». Редфилд придерживался того мнения, что лучшего напутствия молодым сочинить невозможно.

Он располагал многочисленными и тесными связями среди военных и был на короткой ноге с большинством сколько-нибудь известных генералов американской армии. Все они паслись на его виллах, яхтах и охотничьих угодьях. Он знал сильные и слабые стороны любого и каждому дал грибную кличку. В телефонных разговорах Редфилда с друзьями замелькали: Груздь, Боровик, Подосиновик, Масленок, Рыжик, Шампиньон, Сморок, Пузанчик, Моховик, Козья Борода, Бледный Поганец и Мухомор. Редфилд гордился своей выдумкой. Во-первых, это было смешно. Во-вторых, конспиративно, а конспирацию торговцы смертью почитают превыше всего.

Операцию с корейским «Боингом» задумал лично Редфилд. Ему надоело отвратительное лицемерное нытье политиков обеих частей света об аморальности войны. Последнее время занудный скулеж начал воплощаться в никчемные бумажки, пышно именуемые соглашениями о разоружении, что раздражало и выбивало из трудовой колеи трудовых людей. Надо было как следует взбаламутить эту ржавую кастрюлю с дерьмом – так Редфилд называл старушку Землю и ее обитателей – чтобы последние и думать забыли о райских кущах под безоблачным небом, где царят всеобщая любовь и благоденствие. Не труд создал человека, полагал Редфилд, труд может создать только тупого раба. Человека сильного, красивого, умного, создали войны. Война – мать цивилизации и ее колыбель. В войне спасение человечества от умственной и духовной деградации.

Исполнение акции было поручено трехзвездному Мухомору, статному, спортивному и в меру глупому верзиле с лицом, обожженным солнцем тропиков, и с редкой проседью в рыжей шевелюре. Впрочем, по армейским меркам у него была ума палата. Кроме того, он обладал неплохими актерскими данными. Однажды Мухомор, складывавший пятифунтовые холмики из отрубленных голов партизан, разыграл в присутствии журналистов вполне натуральный нервный припадок якобы из-за того, что русские испепелили где-то под Кандагаром четыре душманских кишлака.

У Мухомора был знакомый южнокорейский пилот, в прошлом военный летчик, регулярно выполнявший рейсы по маршруту Нью-Йорк – Анкоридж (Аляска) – Сеул и обратно в качестве командира экипажа. Познакомились они в Корее, когда Мухомор служил там. Одно время даже дружили семьями. Союзники все-таки! Бывая в Штатах, кореец иногда навещал приятеля.

Летом 1983 года во время предполетного медосмотра пилотов в Нью-Йорке врач-американец, повертев в руках кардиограмму сорокапятилетнего командира экипажа, сказал, что это сердце требует ремонта. Командир ответил, что в Сеуле ЭКГ была нормальной. В следующий раз история с кардиограммой повторилась. Врач дал понять, что может встать вопрос об отстранении пилота от полетов. Перед несчастным корейцем замаячил призрак безработицы. И тогда он поделился своей бедой с Мухомором. Тот обласкал друга, успокоил его, предложил консультацию у лучших врачей США, любую медицинскую помощь. Обещал через связи

повлиять на ретивого терапевта в нью-йоркском аэропорту. Взамен попросил о небольшой услуге.

– Ты ведь понимаешь, для чего нам это нужно, Чон. Мы просто хотим посмотреть, как будут вести себя русские в такой ситуации.

– Они меня посадят.

– А ты не садись. Лети себе и лети. Русские не посмеют сбить пассажирский лайнер.

– Кто их знает. Риск велик.

– Может быть, вообще удастся проскочить. Время-то ночное.

– Они не идиоты и не разини. А что я скажу своему экипажу?

– Экипаж я возьму на себя.

– Каким образом?

– Увидишь.

– А черные ящики?

– Это тоже моя забота. Ты ни в коей мере не пострадаешь. Вышел из строя какой-то прибор, и все дела. В случае необходимости прикроем тебя через наши возможности в Сеуле. Солидный гонорар тебе гарантирован.

– А вот это лишнее. Давай не пачкать наших отношений золотом.

– Ты честный парень, Чон. Я найду способ отблагодарить старого друга. И это будет достойный тебя знак внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.